

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 31

26 февраля 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя К., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 17 июня 2025 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката Ц. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 21 января 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ц. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К., что выразилось в том, что, получив от доверителя К. 05 июля, 03 октября и 01 ноября 2024 года на свой личный банковский счет денежные средства в общем размере 150 000 рублей (три платежа по 50 000 рублей каждый) в качестве вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 13 июня 2024 года, он внес их в кассу адвокатского образования, но не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций с денежными средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ц. по жалобе К. от 17 июня 2025 года (вх. № ... от ...), в части доводов (а) о размещении адвокатом Ц. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений о том, что он занимал должность федерального судьи районного суда с 2003 по 2015 годы, и что на его счету 550 успешно завершённых судебных процессов по наследственным делам, изучив которые перед обращением к адвокату Ц. в 2022 году за оказанием юридической помощи, К. была введена в

заблуждение; (б) о подготовке заявителем самостоятельно большей части искового заявления в Т. районный суд города Москвы; (в) о подаче адвокатом Ц. 07 декабря 2022 года в Т. районный суд города Москвы искового заявления, содержащего недостатки, которое определением суда от 09 декабря 2022 года было оставлено без движения, вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ц. по жалобе К. от 17 июня 2025 года (вх. № ... от ...), в части доводов о размещении в настоящее время в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в своем Telegram-канале социальной сети «Telegram» и на сайте «Профи.ру» сведений о себе, содержащих излишнее ассоциирование его профессиональной деятельности с предыдущей работой в качестве судьи, а также ложную и противоречивую информацию о «подавляющем большинстве» его «побед» и их количестве, вводящих потенциальных доверителей, а не заявителя К., в заблуждение относительно характеристик адвоката и оказываемой им юридической помощи, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ц. по жалобе К. от 17 июня 2025 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель К. в заседании Совета сообщила, что заключение Квалификационной комиссии получила, с выводами Комиссии не согласна, поддержала свои письменные возражения (вх. № ... от ...), в которых обратила внимание на то, что, по ее мнению, размещение адвокатом Ц. в 2022 году недостоверной информации о себе с излишним ассоциированием с его прежней профессиональной деятельностью, в связи с которой она и заключила соглашение с адвокатом Ц., носило длящийся характер вплоть до июня 2025 года, когда она составила соответствующий протокол у нотариуса, фиксирующий размещение такой информации. Полагает ошибочным вывод Квалификационной комиссии о том, что адвокат Ц. в 2022 году не мог размещать информацию о себе на сайте адвокатского образования «Т.», поскольку практиковал в адвокатском кабинете. Утверждает, что в 2022 году она была перенаправлена адвокатом Т. именно к адвокату Ц., и в Соглашении на оказание юридической помощи указан адрес не адвокатского кабинета адвоката Ц., а Адвокатского бюро Т.. Кроме того, считает, что все неквалифицированные, по ее мнению, действия адвоката Ц., начавшиеся в 2022 году с подачи искового заявления с недостатками и закончившиеся 26 февраля 2025 года проигрышем дела в апелляционной инстанции, являются продолжающимися действиями, объединенными одним умыслом на получение с нее денег. Утверждает, что адвокатом Ц. и председателем адвокатского бюро Титовым фактически созданы подложные документы, не

свидетельствующие о реальном внесении полученных от доверительницы средств в кассу адвокатского образования. Наконец, полагает, что в части дисциплинарных обвинений в невозврате ей адвокатом Ц. медицинских документов ее матери Комиссия также пришла к неверному выводу о недоказанности выдвинутого дисциплинарного обвинения, поскольку в представленной ею переписке имеются ссылки на конкретные документы, которые она передавала адвокату и в дальнейшем требовала вернуть. По этим причинам просила Совет пересмотреть выводы Квалификационной комиссии и применить к адвокату Ц. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Ц., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал письменное ходатайство (вх. № ... от ...) о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие в связи с профессиональной занятостью, сообщив, что с заключением Комиссии он согласен. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката Ц.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявительницу К., признает, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельства дела, однако с ее выводами соглашается частично в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

11 ноября 2022 года между адвокатом Ц., осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете, и К. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокат принял на себя обязательство оказать доверителю К. юридическую помощь по подготовке и подаче в Т. районный суд города Москвы искового заявления о признании завещания недействительным, а также по защите и представлению интересов доверителя в суде первой инстанции по указанному гражданскому делу. В соответствии с п. 3.1 указанного Соглашения вознаграждение за оказание юридической помощи по Соглашению составляет 300 000 рублей, из которых 10 000 рублей оплачиваются при подписании Соглашения, 140 000 рублей – 17 ноября 2022 года, 150 000 рублей – до 11 марта 2023 года. К. вознаграждение по указанному Соглашению оплатила в полном объеме.

07 декабря 2022 года в Т. районный суд города Москвы было подано исковое заявление К. к Б. о признании завещания недействительным (материал № ...). Определением от 09 декабря 2022 года это исковое заявление было оставлено без движения до 20 февраля 2023 года в связи с нарушением требований, предусмотренных ст. 131, 132 ГПК РФ: не указаны сведения об ответчике, в частности место рождения и один из его идентификаторов, либо указание на то, что такие сведения у истца

отсутствуют; не представлен документ об оплате государственной пошлины в размере, установленном ст. 333.19 НК РФ (по двум требованиям оплачено 300 рублей вместо 600 рублей); не представлены документы, подтверждающие обстоятельства, на которых основаны требования (о родстве с наследодателем, об открытии наследственного дела, о принадлежности наследодателю спорного имущества, указанного в завещании (выписка ЕГРН)). 27 февраля 2023 года в Т. районный суд города Москвы было подано второе исковое заявление К. к Б. о признании завещания недействительным, которое 06 апреля 2023 года было принято к производству суда, возбуждено гражданское дело № ... (...). 05 мая 2023 года первое исковое заявление К. также было принято к производству суда и возбуждено гражданское дело № Определением суда от 08 июня 2023 года это исковое заявление было оставлено без рассмотрения в связи с наличием в производстве суда спора между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, возбужденного судом ранее – 06 апреля 2023 года. Решением суда от 05 июня 2024 года по гражданскому делу № ..., возбужденному по второму исковому заявлению, в удовлетворении исковых требований К. отказано.

13 июня 2024 года между Адвокатским бюро города Москвы Т. в лице партнера адвоката Ц. и К. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи, предметом которого являлось «консультирование по делу, защита и представительство интересов в суде апелляционной инстанции». Согласно п. 3.1 указанного Соглашения вознаграждение за оказание юридической помощи составляет 150 000 рублей, из которых 50 000 рублей оплачиваются в срок с 01 по 05 июля 2024 года, 50 000 рублей – в срок с 01 по 05 октября 2024 года, 50 000 рублей – в срок до 01 ноября 2024 года. Пунктом 3.2. Соглашения предусмотрено, что денежные средства «перечисляются на расчетный счет Адвокатского бюро Т. или передаются Поверенному, что подтверждается соответствующими приходно-кассовыми документами». К. вознаграждение по Соглашению от 13 июня 2024 года оплатила в полном объеме.

17 июня и 02 ноября 2024 года К. поданы апелляционные жалобы на вышеуказанное решение Т. районного суда города Москвы от 05 июня 2024 года. Определением Московского городского суда от 26 февраля 2025 года решение суда от 05 июня 2024 года по гражданскому делу ... оставлено без изменения. 29 июля 2025 года определением Второго кассационного суда общей юрисдикции кассационная жалоба К. оставлена без удовлетворения, а судебные акты по делу – без изменения.

Заявителем в жалобе выдвинуты в отношении адвоката Ц. многочисленные дисциплинарные обвинения, а именно:

1) в размещении адвокатом Ц. в сети «Интернет» сведений о том, что он занимал должность федерального судьи районного суда с 2003 по 2015 годы, и «на его счету 550 успешно завершенных судебных процессов по наследственным делам», то есть содержащих излишнее ассоциирование его профессиональной деятельности с предыдущей работой в качестве судьи, а

также ложной и противоречивой информации о «подавляющем большинстве» его «побед» и их количестве, изучив которые перед обращением к адвокату Ц. в 2022 году за оказанием юридической помощи, К. была введена в заблуждение;

2) в невыдаче ей квитанции об оплате денежных средств в размере 10 000 рублей и 140 000 рублей по Соглашению от 11 ноября 2022 года, а также в выдаче квитанции к приходному кассовому ордеру на сумму 150 000 рублей без указания в ней номера самого ордера;

3) в невыдаче доверителю К. квитанций об оплате денежных средств тремя платежами в общем размере 150 000 рублей по Соглашению от 13 июня 2024 года;

4) в ненадлежащем оказании ей юридической помощи, выразившемся в том, что:

– большую часть искового заявления в Т. районный суд города Москвы заявитель написала сама;

– адвокат Ц. подал 07 декабря 2022 года исковое заявление, содержащее недостатки, которое судом было оставлено без движения;

– заявитель сама собрала доказательства по делу: сделала досудебное заключение врача-психиатра, нашла и проанализировала медицинские документы, а также сама занималась поиском свидетелей;

– адвокат Ц. подал в суд ходатайство об истребовании медицинской документации из 25 медицинских учреждений, где лечилась наследодатель, не согласовав это ходатайство с заявителем, что повлекло завышенную стоимость экспертизы, передачу экспертам множества некорректной информации, и привело к вынесению заключения о невозможности ответить на поставленные вопросы;

– адвокат Ц. «не работал с делом», заявитель сама изучала и фотографировала материалы дела;

– в судебном заседании 10 октября 2023 года адвокат Ц. не задал ни одного вопроса представителю ответчика и свидетелям, в то время как их показания противоречили медицинской документации и «реальному состоянию наследодателя»; не возражал относительно приобщения к делу письменного заявления свидетеля, подпись которого была заверена нотариусом города А.; «не предпринял действий по факту прерывания судьей в начале допроса свидетеля...»;

– адвокат Ц. не подал замечания на протокол судебного заседания от 10 октября 2023 года, в то время как показания свидетелей были искажены и отражены не полно;

– в судебном заседании 05 июня 2024 года адвокат Ц., заявляя ходатайство о допросе свидетеля и специалиста, не пояснил необходимость получения этих показаний;

– заявитель сама нашла специалистов, сделала рецензию на заключение экспертов и подала ее в суд; самостоятельно нашла свидетеля и составила вопросы для опроса свидетеля в заседании;

– заявитель на 80% сама написала апелляционную жалобу на решение Т. районного суда города Москвы;

– в судебном заседании суда апелляционной инстанции адвокат Ц. не заявил ходатайство о допросе свидетеля и специалиста, а также ходатайство о проведении по делу повторной экспертизы;

5) в невозврате адвокатом Ц. после окончания срока действия Соглашения от 13 июня 2024 года оригиналов медицинской документации, которые ему передавались перед судебным заседанием, назначенным на 05 июня 2024 года.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в размещении адвокатом Ц. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» недопустимой информации, Совет пришел к следующим выводам.

Согласно п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката информация об адвокате и адвокатском образовании допустима, если она не содержит: (1) оценочных характеристик адвоката; (2) отзывов других лиц о работе адвоката; (3) сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов; (4) заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды.

В соответствии с п. 5.1 Рекомендаций по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 сентября 2022 года (Протокол № 15), при создании сайта и размещении на нем информации адвокатским образованиям и адвокатам необходимо, прежде всего, избегать такого формата подачи материала, который может вызывать излишнее ассоциирование адвоката и его профессиональной деятельности с предыдущей работой в правоохранительных, судебных и надзорных органах, в том числе путем размещения на сайте изображений в форменном обмундировании или указаний на ранее занимаемые должности в правоохранительных, судебных и надзорных органах (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rekomendatsii-po-vedeniyu-sayta-advokatskogo-obrazovaniya-i-personalnogo-sayta-advokata/>).

Согласно абз. 6, 7, 8 Разъяснения № 01/19 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 17 апреля 2019 года (Протокол № 7) «Недопустимой является информация, вводящая потенциальных доверителей в заблуждение относительно характеристик адвоката и оказываемой им юридической помощи путем ложных заявлений, обещаний, искажения фактов. Недопустимо размещение в сети «Интернет» не соответствующих действительности сведений о количестве оправдательных приговоров, постановленных в отношении доверителей адвоката, о проценте «выигранных» дел. Размещение в сети «Интернет» не соответствующих действительности сведений влечет подрыв доверия как непосредственно к

адвокату, распространившему недостоверную информацию о себе, так и к адвокатуре в целом. Такие действия являются прямым нарушением запрета привлечения потенциальных доверителей обещанием благополучного разрешения дела, установленного подпунктом 6 пункта 1 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, и нарушением требований к информации об адвокате, содержащихся в пункте 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката» (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/interpretation-01-19/>).

Квалификационная комиссия, оценив по этим критериям содержание информации, размещенной адвокатом Ц. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на момент подачи заявителем жалобы, обоснованно признала ее недопустимой и указала об этом в заключении: «...адвокат Ц. разместил по состоянию на 10 июня 2025 года на разных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» противоречивую информацию о количестве судебных процессов с его участием, при отсутствии подтверждений соответствия действительности этих сведений, что противоречит п. 6 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката».

Вместе с тем, Комиссия разделила дисциплинарное обвинение в размещении адвокатом Ц. недопустимой информации в сети «Интернет» на два самостоятельных пункта: (а) размещение сведений в 2022 году, которыми заявитель была введена в заблуждение перед заключением 11 ноября 2022 года Соглашения, и (б) размещение сведений «в данный момент», которыми вводятся в заблуждение потенциальные доверители адвоката Ц. Проведя такое разделение единого дисциплинарного обвинения, выдвинутого заявителем, Комиссия пришла к выводам о необходимости прекращения дисциплинарного производства: в первой части – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, а во второй – в связи с обнаружившимся отсутствием допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. При этом отсутствие допустимого повода во втором случае Комиссия усмотрела в том, что в этот период заявитель не была введена в заблуждение размещенной адвокатом Ц. информацией.

С таким искусственным разделением единого дисциплинарного обвинения, выдвинутого заявительницей, на две хронологические части и сделанными в связи с этим Квалификационной комиссией выводами Совет вновь не соглашается. Совет подчеркивает, что, вопреки изложенной выше позиции Квалификационной комиссии, рассматриваемое дисциплинарное нарушение заключается не во введении в заблуждение какого-либо конкретного лица (в том числе потенциального доверителя), а в самом размещении адвокатом информации, недопустимой по критериям, выработанным корпорацией и описанным выше, поскольку такие действия являются недостойным способом привлечения доверителей и наносят ущерб авторитету адвокатуры. Последствия же этих действий в виде факта и момента введения кого-либо в заблуждение могут иметь определенное значение при доказывании дисциплинарного нарушения и определении

степени его тяжести, но не являются элементами состава нарушения. Таким образом, Квалификационная комиссия, неверно истолковав приведенные выше нормы профессиональной этики, ошибочно определила состав и предмет доказывания по данному дисциплинарному обвинению (введение в заблуждение вместо размещения недопустимой информации) и пришла к неправильным итоговым выводам в этой части.

С учетом требований п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката о недопустимости выхода за пределы жалобы и исходя из описанного выше существа дисциплинарного обвинения, в его обоснование заявитель должен представить доказательства размещения адвокатом недопустимой информации о себе на тех ресурсах и в то время, которые указаны в соответствующей жалобе.

Заявитель К. в своей жалобе указала, что перед обращением к адвокату Ц. изучила сведения о нем, размещенные на сайте адвокатского образования адвоката Т. «Т.» в сети «Интернет», и именно эта информация о работе адвоката Ц., о его «победах» и выигранных делах послужила основанием для заключения с ним 11 ноября 2022 года Соглашения об оказании юридической помощи. В подтверждение этого дисциплинарного обвинения заявителем представлен протокол осмотра доказательств от 10 июня 2025 года, произведенного М., временно исполняющей обязанности нотариуса С. К протоколу приложены: (1) скриншоты страниц сайта Адвокатского бюро «Т.», где указано, что адвокат Ц. занимал должность федерального судьи районного суда с 2003 года по 2015 год, «на счету адвоката Ц. более 550 успешно завершенных судебных процессов по наследственным делам...»; (2) скриншот страницы Ц. сайта «Профи.ру», где указано, что у него «опыт юридической практики – более 23 лет, из них 12 лет стажа в должности федерального судьи, последние 6 лет – практикующий адвокат...»; (3) скриншот страницы Ц. «Адвокат по наследству» в социальной сети Telegram, согласно которой у него «25 лет активной судебной практики», «Занимал должность федерального судьи с 2003 г. по 2015 г.», а также указано: «на моем счету более 350 судебных процессов, связанных с наследственными правами, оспариванием завещаний...».

Однако, как указано в заключении Квалификационной комиссии, заявителем не представлено доказательств размещения адвокатом Ц. подобных сведений о себе в сети «Интернет» в 2022 году, перед заключением с ним Соглашения от 11 ноября 2022 года, а также в течение периода оказания ей адвокатом Ц. юридической помощи: «Квалификационная комиссия не обнаружила доказательств публикации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в 2022 году, а также в последующие годы по 26 февраля 2025 года включительно указанных сведений об адвокате Ц. ... Как архивных, так и актуальных сведений об адвокате Ц. в социальной сети Telegram и на интернет-сайте «Профи.ру» Квалификационной комиссией обнаружено не было». Представленный заявителем протокол осмотра доказательств от 10 июня 2025 года подтверждает наличие

указанной в нем информации на тот момент, когда правоотношения между сторонами уже были прекращены.

Квалификационной комиссией также установлено, что адвокат Ц. на момент заключения с К. Соглашения от 11 ноября 2022 года осуществлял свою деятельность в адвокатском кабинете. Следовательно, до указанной даты сведения о нем не могли быть размещены на сайте Адвокатского бюро Т.. В этой связи Совет отмечает, что довод заявителя К., содержащийся в ее письменных возражениях на заключение Квалификационной комиссии, о том, что в 2022 году она была перенаправлена адвокатом Титовым именно к адвокату Ц., противоречит доводам ее жалобы о том, что к адвокату Ц. она обратилась лично именно в результате изучения информации о нем в сети «Интернет».

При таких обстоятельствах Совет признает, что выдвинутое заявителем К. дисциплинарное обвинение в размещении адвокатом Ц. недопустимой информации о себе в сети «Интернет» перед заключением с ним соглашения об оказании юридической помощи и в последующий период оказания им К. такой помощи не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. По этой причине Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката и правовой квалификации деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части в связи с отсутствием в действиях (бездействии) адвоката Ц. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем, поскольку факт размещения адвокатом Ц. недопустимой информации в сети «Интернет» на момент подачи заявителем жалобы Квалификационной комиссией установлен, Совет считает необходимым указать ему на необходимость незамедлительного устранения этого нарушения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в ненадлежащем оказании адвокатом Ц. юридической помощи доверителю К., Совет отмечает следующее.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения). Описанные в жалобе К. действия адвоката Ц., которые, по ее мнению, свидетельствуют о ненадлежащем оказании ей юридической помощи (подготовка заявителем самостоятельно большей части искового заявления; подача адвокатом Ц. в суд искового заявления с нарушением положений ст. 131, 132 ГК РФ, ввиду чего оно было оставлено без движения; пассивное поведение адвоката Ц. в судебном заседании 10 октября 2023 года) не являются длящимся, при этом с момента перечисленных событий до рассмотрения настоящего дисциплинарного производства прошло более двух лет. При таких

обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Оставшаяся часть претензий заявительницы, касающихся некачественного, по ее мнению, оказания ей адвокатом Ц. юридической помощи, относится к вопросам тактики ведения дела, решение которых во всех случаях относится к исключительной компетенции самого адвоката в силу его законодательно закрепленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). По этой причине органы адвокатского самоуправления не вмешиваются в тактику, определяемую адвокатом при ведении конкретного дела. Критической оценке со стороны органов адвокатского самоуправления могут быть подвергнуты только такие нарушения норм законодательства, которые в силу их явного и грубого характера свидетельствуют о неисполнении (ненадлежащем исполнении) адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем или повлекли наступление негативных публично-правовых последствий.

Вместе с тем, довод заявителя о необоснованной подаче адвокатом Ц. в суд ходатайства об истребовании медицинской документации из 25 медицинских учреждений, где лечилась наследодатель, что повлекло завышенную стоимость экспертизы, Совет расценивает как явно надуманный. Для проведения посмертной психолого-психиатрической экспертизы необходимо предоставление максимально полной медицинской документации об особенностях состояния здоровья наследодателя. Определение значимости той или иной медицинской документации для этих целей относится к компетенции экспертов, а не адвоката, не обладающего специальными познаниями в данной области. Соответственно, адвокат Ц. обоснованно заявил ходатайство о запросе судом медицинской документации из всех медицинских учреждений, в которых лечился наследодатель.

Наконец, претензии заявительницы К. в том, что адвокат Ц. «не работал по делу», заявитель сама знакомилась с материалами дела, собирала доказательства и прочее, в судебных заседаниях адвокат Ц. не задал вопросов представителю ответчика, свидетелям, не подал замечания на протокол судебного заседания от 10 октября 2023 года, заявитель «на 80%» сама подготовила апелляционную жалобу, а в судебном заседании суда апелляционной инстанции адвокат Ц. не заявил ходатайства о допросе свидетеля и специалиста, а также о назначении повторной экспертизы и т.д., не конкретизированы и не подтверждены доказательствами.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает в профессиональном поведении адвоката Ц. проявлений некачественной юридической помощи и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в соответствующей части.

К такому же выводу Совет приходит в отношении дисциплинарного обвинения в том, что после окончания срока действия Соглашения об оказании юридической помощи от 13 июня 2024 года адвокат Ц. не возвратил доверителю оригиналы медицинской документации, переданные ему перед судебным заседанием, назначенным на 05 июня 2024 года. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что заявительница К. в переписке с адвокатом Ц. просила его найти недостающие документы, но тот отвечал, что все документы отдал заявителю. При этом передача ею документов адвокату Ц. осуществлялась без составления описи, а их возврат произведен адвокатом Ц. в одной общей папке, открыв которую впоследствии, К. обнаружила отсутствие некоторых документов.

В соответствии с положениями пп. 6-7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но и подтвердить их соответствующими доказательствами. При этом конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении» (*Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С.192-193*). Однако заявительница К. не конкретизировала, какие именно оригиналы медицинских документов ей не вернул адвокат Ц., и не представила доказательств передачи ему этих документов.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в нарушении адвокатом Ц. требований к формализации отношений с заявителем, Совет пришел к следующим выводам.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. В силу требований п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

В пункте 1 «Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое

полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем» указывается, что бездействие адвоката, выразившееся, в том числе, в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации. В пункте 4 указанного Обзора отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования.

При этом органы адвокатского самоуправления исходят из того, что в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, порядка оприходования полученных от доверителя денежных средств, адвокат в период действия соглашения с доверителем имеет возможность устранить допущенные нарушения.

Заявительницей К. в материалы дисциплинарного производства представлена квитанция к приходному кассовому ордеру от 27 апреля 2023 года, выданная адвокатским кабинетом адвоката Ц., о принятии от К. по «договору об оказании юридической помощи» от 11 ноября 2022 года денежных средств в размере 150 000 рублей. Согласно Разъяснению по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденному Решением Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 года (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/razyasnenie-po-voprosu-ispolzovaniya-advokatskimi-obrazovaniyami-kvitantsiy-dlya-oformleniya-nalichnykh-denezhnykh-sredstv-v-schet-oplaty-uslug-advokatov-v-kassu-advokatskogo-obrazovaniya-neobkhodimo-i-dostatochno-zapolnyat-prihodno-kassovyye-ordera-dalee--PKO-i-vydat-kvitantsii-k-nim-podtverzhayushchie-priem-denezhnykh-sredstv-vesti-kassovuyu-knigu-i-zhurnal-registratsii-orderv>), для надлежащего оформления приема наличных денежных средств в счет оплаты услуг адвокатов в кассу адвокатского образования необходимо и достаточно заполнять приходно-кассовые ордера (далее – ПКО) и выдавать квитанции к ним, подтверждающие прием денежных средств, вести кассовую книгу и журнал регистрации ордеров.

Выдача адвокатом заявительнице квитанции к приходному кассовому ордеру от 27 апреля 2023 года, которая не имеет номера, не свидетельствует о нарушении прав К., а доводы, изложенные в ее возражениях на заключение Квалификационной комиссии, о необходимости применения Разъяснений Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации от 17 апреля 2025 года по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/razyasnenie-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoj-federatsii-po-voprosu-oformleniya-nalichny/>), Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, находит несостоятельными, поскольку претензии заявителя к адвокату Ц. касаются более раннего периода (2022 – 2023 годов), а по общему правилу решения органов адвокатского сообщества не имеют обратной силы.

При таких обстоятельствах Совет не усматривает дисциплинарного нарушения в действиях (бездействии) адвоката Ц., касающихся оприходования денежных средств и выдачи доверителю квитанций по Соглашению об оказании юридической помощи от 11 ноября 2022 года, и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части.

Однако в части дисциплинарного обвинения в невыдаче заявителю документов, подтверждающих внесение денежных средств по второму Соглашению об оказании юридической помощи от 13 июня 2024 года, Совет пришел к иному выводу.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что по этому Соглашению К. оплатила денежные средства путем их перечисления на личный банковский счет адвоката Ц. в ПАО Сбербанк в общем размере 150 000 рублей (три платежа по 50 000 рублей каждый). Эти денежные средства были внесены адвокатом Ц. в кассу Адвокатского бюро Т., в подтверждение чего представлены приходные кассовые ордера от 05 июля 2024 года (ПКО № 1), от 03 октября 2024 года (ПКО № 2) и от 01 ноября 2024 года (ПКО № 3), каждый на сумму 50 000 рублей. Получив от доверителя К. указанные денежные средства на свою личную банковскую карту, адвокат Ц. принял на себя обязанность как по их внесению в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, так и по выдаче доверителю квитанций и иных документов по проведению операций с его денежными средствами. Однако доказательств передачи доверителю таких документов адвокатом Ц. представлено не было, а его доверитель К. их получение отрицает.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Ц. в данной части опровергнутой, а его вину в нарушении взаимосвязанных предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката – установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ц. за совершенное нарушение, Совет учитывает его умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре. В то же время Совет принимает во внимание, что адвокат Ц. имеет значительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал. При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде замечания, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Ц. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в том, что, получив от доверителя К. 05 июля, 03 октября и 01 ноября 2024 года на свой личный банковский счет денежные средства в общем размере 150 000 рублей в качестве вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 13 июня 2024 года, он внес их в кассу адвокатского образования, но не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций с денежными средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Ц. по жалобе К. от 17 июня 2025 года (вх. № ... от ...):

– в части доводов о подготовке заявителем самостоятельно большей части искового заявления в Т. районный суд города Москвы; о подаче адвокатом Ц. 07 декабря 2022 года в суд искового заявления с нарушением положений ст. 131, 132 ГК РФ, ввиду чего оно было оставлено без движения; о пассивном поведении адвоката Ц. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 10 октября 2023 года – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков